

[Открыть письмо в браузере](#)**14 февраля 2022 года**

МОСКВА. 14 ФЕВРАЛЯ 2022. ПИР-ПРЕСС. "Я думаю, что идеальных людей не существует, не существует и идеального мира. Но я полагаю, что мы все сможем наслаждаться жизнью, если мы научимся разделять власть, ресурсы и ответственность. В этом несовершенном мире я принадлежу к старшему поколению, которое не сделало достаточно, чтобы сделать мир безопасным и безопасным. По мере того, как мы передаём эстафету следующим поколениям активистов, лиц, принимающих решения, практиков и учёных, я надеюсь, что смогу быть полезной в их борьбе с беспорядком, который мы оставили, в частности, с разрушением климата и окружающей среды, ядерным оружием, бедностью и пандемиями, такими как COVID. Итак, мир, к которому я стремлюсь, не идеален, но он всегда должен быть наполнен надеждой, любовью, мужеством и уважением", — директор Института Акроним (Великобритания) Ребекка Джонсон.

«Без галстука» №42 с Ребеккой Джонсон

ОТ РЕДАКЦИИ: В этом выпуске «Без галстука» мы побеседовали с директором Института Акроним, учёной и активисткой, видным деятелем Международной кампании по запрещению ядерного оружия (ICAN), крупнейшим специалистом в области международных режимов и членом Экспертного совета ПИР-Центра с 1994 года **Ребеккой Джонсон**. В 1980-х годах **Джонсон** была лицом протеста европейцев против нового витка советско-американской гонки вооружений. В 1990-х годах именно

от Джонсон мир узнавал о течении переговоров по запрещению ядерных испытаний. Мы постарались узнать чуть больше о Ребекке как о человеке, хотя без политики, стоит признать, всё-таки не обошлось.

Ценности и принципы

Меня воспитывали религиозные родители, в 1930-х годах вступившие в гуттеритскую христианскую пацифистскую социалистическую общину. Я была младшей из восьми детей в семье и провела детство в Северной Дакоте – позже меня оторвали от всего, что я знала до этого, когда фундаменталистское сообщество столкнулось с реальностью в 1950-х. Тогда многие семьи – включая нашу – оказались меж двух огней. Когда мои родители перевезли нас – своих младших дочерей – в Англию в 1961 году, были тяжёлые времена. Меня травили за то, что я не такая как все – и мне помогала доброта. Я не прекращала искать доброе, особенное и ценное в каждом человеке. Я не религиозная и не пацифистка, но я сторонник ненасильственного активизма, направленного на укрепление мира. Выступая за разоружение, я также работаю на благо безопасности, мира и справедливости. Это невероятно важные устремления, над которыми нужно работать всю свою жизнь, личную, духовную и политическую жизнь. Всё это связано. Понимание такой связи привело меня к феминизму, оно находится в центре моих основных принципов и ценностей.

Я считаю, что если вы хотите достичь реальной безопасности, мира и справедливости, то необходимо найти способ действовать сообща и ненасильственно. Нужно создавать разнообразные структуры власти и формы работы – совместную ответственность, уважение к разнообразию – основанные на том, что уничтожение силой оружия не несёт смысла. В этом контексте я вынуждена признать, что насилие в отношении женщин и детей совершается даже в миротворческих миссиях ООН, даже теми, кто работает в наших собственных НПО и занимается разоружением. Сама эта мысль вызывает ужас, но это реальность.

Что касается моих ценностей, то я считаю, что личное является политическим и что мы не можем достичь мира, справедливости или равенства без полноценного участия женщин. Мы не можем достичь этого, если мы также общими силами не будем противостоять тем, кто сексуально или физически домогается женщин и детей, угнетает их. Нужно работать последовательно. И поэтому ненасилие, пожалуй, для меня является самым главным. Но ненасилие не означает пассивность. Когда я жила в Гринэме (Англия), мы действительно создали то, что мы называем ненасильственным феминизмом. Он чрезвычайно активен, он

направлен на преобразование общества, потому что мы должны менять в лучшую сторону мир, в котором мы живём. Всё это – мои ценности.

Что касается моих принципов, то я не причисляю себя к какой-то конкретной религии, но я верю, что мы взаимосвязаны с нашей планетой – матерью-природой – и всеми живыми существами, прямо и косвенно. И каждый из нас может самостоятельно выбрать эту связь. Для кого-то это религия, для кого-то – музыка, активизм или ненасильственная политика. Вместо того, чтобы судить о людях по религиозным и политическим убеждениям, я предпочитаю смотреть на то, к чему они стремятся и что они делают в реальной жизни. Как всегда говорили суфражистки, добившиеся права голоса для женщин, важнее всего поступки, а не слова.

О личных мотивах разоруженческого активизма

Личных причин моего участия в разоруженческом активизме было две. Во-первых, когда я два года преподавала в Японии с 1979 по 1981 год, я посетила Хиросиму и была очень тронута, увидев последствия применения ядерного оружия против

Хиросимы и Нагасаки. Во-вторых, я слышала разговоры администрации Рейгана о том, что ядерную войну можно вести и выиграть и что при этом она может быть ограничена Европой.

Когда я уехала из Японии, я направилась в Пекин и по Транссибирской магистрали поехала из Пекина в Москву. Это был мой первый визит в Москву (сентябрь 1981 года), и я провела в советской столице несколько дней. Затем я продолжила свой путь и остановилась в Варшаве, а после села на поезд из Варшавы, который шёл через Восточный Берлин до города Хук-ван-Холланд (Нидерланды). В Хук-ван-Холланде я села на паром в Харидж (Великобритания), а на ещё одном поезде уже оттуда добралась до Лондона. Я очень хорошо помню ту поездку, я проехала через весь Советский Союз и север Европы.

Я осознавала две вещи. Во-первых, я живу в Европе. Во-вторых, когда кто-то говорит о ведении ограниченной войны в Европе, они имеют в виду полное уничтожение всей Европы, включая значительную часть Советского Союза, по которому я путешествовала, людей, которых я встречала в поезде. Именно это осознание привело меня в Гринэм, но уже в 1970-х годах, перед своей поездкой в Японию, я занималась

феминистским активизмом. Можно сказать, что факторов было даже три. Во-первых, посещение Хиросимы. Во-вторых, безумная идея ограниченной войны, которую якобы можно вести и выиграть. В-третьих, моё искреннее осознание человечности всех людей во всех странах, через которые я путешествовала, включая Советский Союз, который Рейган именовал «империей зла». Те, кого я встретила в СССР, были такими же людьми как я, с такими же надеждами и страхами, они желали мира, хотели обеспечить безопасность своих семей.

В 1982 году я приняла глубоко интуитивное решение о том, что мне нужно сделать хоть что-то, чтобы попытаться предотвратить ядерную войну. Моим первым шагом для этого стало присоединение к женскому лагерю мира Гринэм-Коммон, который был создан около базы ВВС США Гринэм-Коммон, где НАТО решила разместить первые крылатые ракеты – новое поколение ядерных вооружений в Западной Европе. Помимо всего прочего, активистки лагеря пытались установить контакты с представителями Восточного блока – и мы съездили к сторонникам мира в России [СССР]. Второй раз в своей жизни я приехала в Россию в составе группы женщин из лагеря Гринэм в 1985 году. Нашей целью было обсудить с советской стороной прекращение размещения ракет SS-20 (РСД-10) Советским Союзом. Мы хотели попытаться склонить новое руководство СССР во главе с Горбачёвым к переговорам с Рейганом о выводе всего этого оружия из Европы и о ядерном разоружении в целом.

О связи между разоружением и феминизмом

Как и разоружение, феминизм многослоен и сложен. Феминистский разоруженческий активизм исходит из того, увеличение количества женщин, участвующих в переговорах на всех уровнях в области разоружения, миростроительства и безопасности, сильно изменит ситуацию. С другой стороны, речь также идёт об анализе, который основан на реальном тщательном изучении понятий власти и ответственности, созданных патриархатом, и военно-промышленного взгляда на безопасность как на проекцию силы, как на наличие больших арсеналов различных видов вооружений (вершиной этого конструкта и мировоззрения, конечно, стало ядерное оружие).

Я считаю, что Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) является, по сути, феминистским и, возможно, первым феминистским и гуманитарным договором о разоружении. Речь о том, как ДЗЯО вписывается в международное гуманитарное право, подчёркивая общую власть и ответственность по обеспечению человеческой и экологической безопасности для всех народов вне зависимости от места проживания. Вместо того чтобы отдавать предпочтение военно-промышленному понятию безопасности как оружия и как способности проецировать силу, ДЗЯО был создан с осознанием (и актуальность этого осознания усиливается в связи с COVID и изменением климата), что реальных людей беспокоит безопасность их семей, дома, страны, общих ресурсов и земель, а уже отсюда складывается и безопасность всей планеты.

Ядерное оружие и любые виды оружия на самом деле подрывают и разрушают реальную безопасность, которую хотят люди. Нереалистичные концепции ядерного сдерживания, представляют собой угрозу уничтожить миллионы людей в стране, управляемой вашим политическим или идеологическим оппонентом. Не только города и земли: как мы теперь знаем из науки, из исследований ядерной зимы и воздействия ядерного оружия на климат, ядерная война уничтожила бы цивилизацию на планете в том виде, в каком мы её знаем. Таким образом, феминистская гуманитарная безопасность ставит на первое место не оружие, производителей оружия, технологии или военно-промышленный истеблишмент, а людей.

Крайне важно признать влияние этого оружия на людей, признать гендерно обусловленный способ использования силы в военной сфере и признать то, как сильно укрепляется безопасность для всех, когда в процессы управления и принятия решений включаются женщины. Вместо того чтобы пытаться осуществлять власть над людьми, которая характеризовала большую часть истории Запада, «холодной войны» и систем XVIII, XIX, XX веков, мы смотрим на *позитивную* власть людей – начиная с признания нашей способности освобождать или угнетать, порождать мир или войну, менять мир в лучшую или худшую сторону. Решение о том, будем ли мы строить мир (*англ. peace*) и работать вместе с другими на благо изменения мира (*англ. world*) – ответственность каждого из нас.

Последнее, что я скажу о связи феминизма с разоружением, – это то, что разоружение можно рассматривать и как цель, и как процесс. Я думаю, что то же самое касается равенства, справедливости, безопасности. Признание их как цели и как процесса уводит нас от

представления о недостижимости мира, потому что все эти вещи на самом деле являются процессами, над которыми нужно постоянно работать. В области разоружения можно подписать договор, который устраняет один из типов ядерного оружия, но затем, если становится ясно, что появляется новое оружие – улучшенное оружие, модернизированное оружие – нужно продолжать работать над разоружением, и это процесс. Мне кажется, что некоторые мужчины склонны смотреть на будущее как на отдельные конкретные события, которые они могут контролировать. Но это неправильное восприятие. Именно поэтому нам нужно гораздо больше феминистского осознания. Нам нужны люди, участвующие в переговорах по соглашениям, которые признают, что деятельность, заданная договором, должна продолжаться всю жизнь. То же самое касается упрочения и поддержания мира и безопасности.

Роли учёной и активистки

На мой взгляд, крайне важно, чтобы существовали и «аналитические активисты», и «активные аналитики». Я думаю, что эти роли переплетаются. Напомню, что я начала своё профессиональное образование с изучения физики, по образованию я специалист в области точных наук – и я преподавала в Японии. Я училась в магистратуре Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета уже после своего длинного путешествия из Японии в Лондон через Пекин и Москву. Я исследовала политические отношения на Дальнем Востоке в XX веке. Сдав экзамены, я уехала в Гринэм и уже там закончила диссертацию о советско-американском соперничестве вокруг восстановления Японии с 1945 по 1951 год. Это было научное исследование, но оно также повлияло на мою способность быть более эффективной активисткой. В Гринэме я была в основном активисткой, но я также узнала, что я способна общаться с общественностью, политиками, дипломатами, лидерами, а также с другими женщинами, коренными народами и с широкими массами людей о том, почему это дело чрезвычайно важно для всех нас и почему важен каждый из нас. Каждый из нас может внести свой вклад в те изменения, которые необходимо реализовать. Мне кажется, что это очень важно как для аналитиков и учёных, так и для политических лидеров, для дипломатов и активистов.

Когда я покинула Гринэм, мне нужно было как-то зарабатывать на

жизнь. У меня кончились деньги и мне пришлось занимать у друзей, пока я пять лет жила Гринэме до заключения Договора о РСМД. Поначалу было трудно, ведь пока я жила в Гринэме, меня арестовывали за нарушение функционирования базы, танцы на вершине ядерных шахт с 44 другими женщинами, занятие диспетчерской вышки, остановку конвоев пусковых установок крылатых ракет, которые перевозили ядерное оружие в сельскую местность. Я думала, что не смогу получить работу в университете, как я когда-то надеялась, поэтому мне пришлось искать другой способ зарабатывать на жизнь.

Мне посчастливилось быстро найти работу, заменив на шесть месяцев постоянную сотрудницу, находившуюся в декретном отпуске – в качестве специалиста по «планированию на случай чрезвычайных ситуаций» в одном из Лондонских советов.

Отвечая за гражданскую оборону, я открыла ядерные бункеры для общественности и рассказала о поездах с ядерными отходами, проходивших через Ламбет в непосредственной близости от школ, больниц и плотно заселённых жилых массивов. Когда этот контракт закончился, я работала с врачами, которые хотели запретить ядерные испытания. Я была в восторге от своей работы, потому что многому научилась у женщин из Японии, с Маршалловых островов, коренного населения Австралии и Тихоокеанского региона. Их свидетельства убедили меня в том, что недостаточно запретить только один вид ядерного оружия, как это сделал Договор о РСМД. В качестве следующего шага нам был нужен полноценный Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Я была счастлива, когда мне предложили работу координатора кампании Гринпис по запрещению ядерных испытаний в 1988 году, которая включала посещение Семипалатинского полигона и испытательного полигона на Новой Земле, а также Невады и французского испытательного полигона Муруроа в Тихом океане. В 1994 году я получила квакерское финансирование, чтобы поехать в Женеву и информировать общественность о переговорах по ДВЗЯИ, которые тогда начинались. В этот момент с точки зрения работы сошлось несколько факторов: я смогла объединить своё образование в области точных наук с аналитикой и активизмом. Я подружилась с некоторыми дипломатами и учёными, работавшими над ДВЗЯИ, от представителей стран «пятёрки» до представителей неприсоединившихся государств, которые были заинтересованы в исходе переговоров о запрещении ядерных испытаний. Работа над ДВЗЯИ также означала работу над ДНЯО, по которому предстояли важная обзорная конференция 1995 года и

решение о продлении. Вот как соединились активизм и научная деятельность, и я убедилась, что внимание к фактам и информации является ключом к эффективным дипломатическим и активистским стратегиям, которые могут привести к позитивным изменениям в мире.

В то же время я признаю, что это сложно даётся учёным, которые чувствуют давление со стороны правительства и пытаются доказать, что они полностью оторваны от политики и политических исходов. Во всех ядерных государствах существуют национальные и транснациональные сети военных, промышленных, бюрократических и академических элит — то, что я называю «MIBA», — которые поддерживают ядерное распространение и конкурирующие силовые военные доктрины. Мы продолжаем создавать системы, ведущие к войнам и ядерным угрозам, но мы тоже люди, поэтому нам нужно быть более открытыми и честными в отношении этого давления и не пытаться притворяться, что учёные в чем-то объективны, а активисты полностью субъективны; это не так. Эмоциональные и рациональные, субъективные и объективные элементы — наиболее оптимально их объединять.

Контроль над ядерным оружием vs ликвидация ядерного оружия

О разоружении часто говорят по принципу «всё или ничего». В НАТО заявляют, что работа над полным запретом и уничтожением ЯО противоречит ДНЯО и постепенному поэтапному процессу или даже подрывает его. Это абсолютно неверно. Необходимо иметь ключевые цели,

но также и шаги. Вы никогда не уничтожите ядерное оружие, если не введёте в действие договоры, запрещающие его. Договор о РСМД был шагом. Между прочим, это был договор о запрещении и ликвидации, хоть он и предусматривал запрещение и уничтожение только одного конкретного типа вооружений, в частности, в европейском регионе. Однако это был очень важный шаг.

То же самое касается и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Когда мы вели переговоры по нему, уже стало ясно, что он не станет тем крупным шагом в области разоружения, на который надеялись люди, выступавшие за подписание такого договора в 1950-х годах. Однако я всё равно чувствовала, что это стоило потраченного времени и что действительно стоило включить ДВЗЯИ в международное право по нескольким причинам. Во-первых, ДВЗЯИ позволял ограничить способность как «распространителей», так и существующих ядерных

держав испытывать новые виды боеголовок. Мне жаль, что мы проиграли спор вокруг запрета лабораторных испытаний – так называемых подкритических и гидроядерных испытаний, но ДВЗЯИ стал принципиальным рубежом.

Ещё одна, на мой взгляд, важная причина заключалась в том, что ДВЗЯИ создал очень эффективную систему верификации. Сейчас мы надеемся, что мы сможем опираться на опыт ДВЗЯИ, МАГАТЭ и Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО), а также Конвенции о биологическом оружии при утверждении правовых, институциональных и верификационных требований для ДЗЯО. В тексте ДЗЯО в статьях 2–5 излагаются некоторые принципы и основные моменты, но на совещаниях государств-участников нам нужно будет находить более комплексные решения. При этом у нас уже есть серьёзные знания и информация благодаря ранее заключённым договорам.

Ядерное оружие представляет собой экзистенциальную угрозу, которая держит в заложниках всё человечество. Поэтому абсолютно правильно выступать за полную ликвидацию этого конкретного оружия – так же, как и ранее выступали за запрещение и ликвидацию химического и биологического оружия по очень похожим причинам. Но не менее важно и говорить о шагах. Они могут быть односторонними, они могут быть двусторонними, они могут быть плюрилатеральными, и они также должны оставаться многосторонними. Это было признано ещё в 2000 году на Обзорной конференции, когда ядерные государства согласились на так называемые 13 шагов, которые продвигала Коалиция за новую повестку дня [New Agenda Coalition – Ред.]. И многие из участников этой коалиции стали ключевыми партнёрами ICAN (Международной кампании за ликвидацию ядерного оружия) в работе над ДЗЯО.

Наша работа показывает, что и всеобъемлющие подходы, и постепенные шаги взаимно необходимы и усиливают влияние друг друга на пути к разоружению. Но мы должны признавать, что эти шаги не линейны.

Не обязательно завершать один процесс, прежде чем вы сможете сделать следующий шаг. Наоборот, можно прорабатывать несколько разных подходов и шагов одновременно – работая как с противниками, так и с союзниками. В конце «холодной войны» многие ядерные государства предприняли существенные односторонние меры в области разоружения: Великобритания, Россия, США, Франция. Двусторонние

соглашения вроде ДСНВ, Договора о СНП или ОСВ-I полезны, как и президентские ядерные инициативы, которые привели к выводу и уничтожению большого количества тактических вооружений.

Однако некоторые предпринимаемые шаги нацелены на управление ядерным оружием, а не его уничтожение – это неэффективно, не соответствует нашим общим целям в области безопасности. Речь идёт о шагах, которые позволяют военно-промышленным предприятиям государств, обладающих ядерным оружием, продолжать совершенствовать оружие и разрабатывать новые типы оружия, даже когда они хвалятся участием в переговорах и договорах по сокращению существующих вооружений. Это порочный круг. Это никого ни к чему не приведёт – то есть приведёт лишь к новым прибылям для производителей оружия и элит. Наша задача – озвучить призыв к осторожности и объяснить, почему происходящее – неправильно.

Институт «Акроним»

Из-за того, что в Гринэме меня арестовывали за активизм в поддержку мира, я не могла работать в ООН или на научных должностях даже после того, как получила докторскую степень (по ДВЗЯИ и многостороннему контролю над вооружениями, 2004 г., Лондонская Школа Экономики/Лондонский университет). Когда меня приглашали податься на такие вакансии, я даже не пыталась – и приглашала женщин, которые, как я знала, обладали необходимыми целеустремленностью и навыками (но не имели судимостей). И мне было приятно, когда они в итоге занимали эти должности.

Спустя несколько лет проект, который мы создали в Женеве в 1994 году, стал Институтом «Акроним» и издателем важного международного журнала «Disarmament Diplomacy», редактором которого изначально стал Шон Ховард. Спонсоры постоянно предлагали мне превратить Acronym в более официальную академическую организацию и обучать иностранных студентов. Мне нравилось преподавать, но мне также нравилась кропотливая работа в сфере разоруженческой дипломатии, сочетающая открытый ненасильственный активизм со стратегическим мышлением и анализом. Мне не нравилась мысль о том, что в конечном итоге мне придётся заниматься административным управлением, а не непосредственной работой, которую я любила, поэтому мы Acronym продолжил быть небольшим, компактным институтом с конкретным целеполаганием. Я иногда занимаюсь административными вопросами, но большая часть моего времени уходит на самообразование, разработку стратегии, просвещение и мобилизацию.

Я проработала полгода в Университете Британской Колумбии, потому что мне удалось объяснить источник своей судимости при получении канадской визы, и они решили, что прошло достаточно времени, что всё это было за ненасильственные действия, за мир или против расизма, против апартеида, поэтому меня приняли. Но на самом деле связанные с профессорской работой в той политической ситуации ограничения меня не устраивали. Это было время войн Буша и Блэра в Афганистане и Ираке, и я чувствовала, что должна вернуться в Лондон и попытаться остановить эту военную несуразицу. И я вернулась и восстановила Акроним при поддержке Шона Ховарда и Совета. Я также работала с [Гансом] Бликсом в качестве старшего советника в Международной комиссии по ОМУ в течение нескольких лет, а уйдя с этой позиции в 2006 году, я переехала в Шотландию.

Великобритания планировала продлить срок службы ракет Trident, и я присоединилась к координационной группе акции Faslane 365, в ходе которой тысячи людей целый год блокировали ворота британской базы атомных подводных лодок в Фаслейне. Мне удавалось поддерживать Acronym, и я писала для Disarmament Diplomacy на тему заседаний ООН, ДНЯО и ОДВЗЯИ, а также писала отчёты о замене ракет Trident и давала показания для парламентских расследований, живя в квартире в Ру на реке Клайд. Я могла наблюдать из своей гостиной, как атомные подводные лодки заходили в Фаслейн и выходили оттуда. Я бы не смогла этого сделать, если бы работала на более традиционной работе.

Содействуя проведению года ненасильственных протестов на военно-морской базе Фаслейн в 2006–2007 годах, я была поражена возрождением гуманитарных аргументов в пользу ядерного разоружения, выдвинутых врачами, учителями, студентами, художниками и широкими слоями гражданского общества со всей Шотландии – и в Европе, а также в таких городах как Хиросима, Нагасаки и Нью-Йорк. Я поняла, что следующим шагом после ДВЗЯИ должен стать всеобъемлющий запрет на ядерное оружие. Я начала продумывать стратегию, писать и выступать за это с 2008 года. Когда Acronym лишился возможности финансировать журнал Disarmament Diplomacy, я стала больше выступать и участвовать в организационной работе для ICAN, разрабатывая стратегии и помогая формировать условия для договора о запрещении ядерного оружия. Именно эту роль мы с Институтом «Acronym» сыграли на раннем этапе выработки того,

что стало Договором о запрещении ядерного оружия 2017 года. И это дало мне чувство удовлетворения и душевный покой. Я не стремлюсь к славе, никогда не стремилась. Пока мне хватало на жизнь, я никогда не чувствовала, что мне нужно быть известной фигурой или высокооплачиваемым специалистом, я просто хотела внести свой вклад в достижение разоружения, мира и справедливости. Так как в моей ДНК заложены и активизм, и аналитическая работа, я поступила наилучшим возможным образом.

ПИР-Центр, ДНЯО и племянник

Мне кажется, что я впервые встретила с Владимиром Орловым в 1994 году или 1995 году, когда он приехал в Женеву на одну из встреч государств-членов ДНЯО. Мне понравились его энтузиазм и интеллигентность – и я знала, что Монтерейский институт международных

исследований и Владимир действительно вели активную работу касательно обзорной конференции ДНЯО и привели в область разоруженческой дипломатии исследователей из России и Восточной Европы. В 1995 году я также познакомилась с Роландом Тимербаевым; он был таким великолепным дипломатом, образованным, тёплым и открытым, и он стал для меня очень хорошим другом. Я была рада поддержать ПИР-Центр и надежды неправительственных организаций в России и за её пределами. Я считала, что это здорово, что в Москве есть центр политических исследований, и я поддерживаю всё, что может сделать ПИР-Центр, чтобы обратить внимание на пути построения мира, разоружения, взаимного уважения и сосуществования.

Однако есть ещё один момент, который я хочу упомянуть: когда один из моих племянников, Дэниел, изучал русский и французский в Кембриджском университете, он спросил, знаю ли я, куда он может устроиться на работу, чтобы использовать свои знания русского языка и при этом заниматься важными вопросами. Я сразу подумала о ПИР-Центре. К счастью, в ПИР-Центре его приняли – и Дэн действительно провёл несколько месяцев в Москве в ПИР-Центре в качестве стажёра. В итоге он не стал дальше заниматься этой областью политики и теперь является директором школы в Дербишире – и отцом двух прекрасных детей. Его явно тянуло не только к преподаванию, но и к музыке, которую, конечно, он любил – вместе с другом он написал музыку для нескольких стихов Чехова – и он публично выступил с ней в Кембридже – послушать удалось и членам его семьи. За время работы в ПИРе он

многому научился, так что это сделало мои отношения с ПИР-Центром ещё более тесными.

Хобби и свободное время

Не знаю, можно ли сказать, что это хобби, но меня расслабляют музыка, плавание и прогулки. Я играю на гитаре, но не очень хорошо. Я пою и сочиняю музыку; мне больше всего нравится блюз, я люблю слушать блюз, фолк и джаз. Я круглый год занимаюсь плаванием на открытом воздухе.

В том числе поэтому три года назад я переехала в Сассекс, из моей квартиры видно море. Для меня плавание – очень важно. Раньше я любила кататься на велосипеде по Лондону, я до сих пор езжу на велосипеде из Брайтона, хотя с возрастом это стало сложнее. Я люблю гулять, и я часто хожу в походы в Саут-Даунс со своим партнёром. Когда отменяют коронавирусные ограничения, мы планируем ездить и в другие места на природе – гулять и плавать.

Идеальный неидеальный мир

Для меня идеальный мир – это несовершенный мир, полный странных и невероятно разных людей, с разными способностями. Но это мир, где у каждого есть своё место, где каждого любят и уважают, и у каждого есть помощь, и поддержка, необходимые для развития, реализации своих возможностей, развития того лучшего, что они могут дать другим и что они могут получить от общества, того, что им нужно, чтобы добиться счастья и самореализоваться. Я думаю, что идеальных людей не существует, не существует и идеального мира. Но я полагаю, что мы все сможем наслаждаться жизнью, если мы научимся разделять власть, ресурсы и ответственность. В этом несовершенном мире я принадлежу к старшему поколению, которое не сделало достаточно, чтобы сделать мир безопасным и безопасным. По мере того, как мы передаём эстафету следующим поколениям активистов, лиц, принимающих решения, практиков и учёных, я надеюсь, что смогу быть полезной в их борьбе с беспорядком, который мы оставили, в частности, с разрушением климата и окружающей среды, ядерным оружием, бедностью и пандемиями, такими как COVID. Итак, мир, к которому я стремлюсь, не идеален, но он всегда должен быть наполнен надеждой, любовью, мужеством и уважением.

Интервью: Артем **Квартальный**

Редактура: Никита **Дегтярёв**, Егор **Чобанян**

Узнать больше о проекте **«Без галстука»** можно на сайте ПИР-Центра.

Наш электронный адрес: inform@pircenter.org

Здесь вы можете подписаться на другие рассылки ПИР-Центра или отписаться от них.